

Андрей Житинкин.

Новая ипостась

моск. правда, - 2001, - 20 февр. - с. 3

В Театре на Малой Бронной появился главный режиссер - произошло событие, которого два года ждал не только коллектив, уставший от неопределенности, но и вся театральная Москва. С нетерпением и любопытством. Уж очень затягивалась пауза с уходом с этого поста Сергея Женовача. Как всегда, бродили разные слухи, однако ж определенности не было. И вот - свершилось. Созвали прессу, и на сборе труппы директор театра Илья Аронович Коган торжественно представил собравшимся Андрея Житинкина в качестве нового главного режиссера Театра на Малой Бронной.

Наталья БАЛАШОВА

Когда-то, тому уже более полусотни лет, в этом здании располагался знаменитый ГОСЕТ - Государственный еврейский театр, руководимый великим актером Соломоном

Михозлсом. Михозлса убили сталинские запечных дел мастера, театр закрыли, труппу распустили, разогнали. И повисло над этим домом проклятие.

Помещение предоставили Московскому драматическому театру. Отличному театру с прекрасной труппой. Играть бы ему здесь да радоваться - благо, и руководители в разные годы были в этой труппе отличные. Только все дело в том, что были они в разные годы. А между этими годами... Вот и переживал периодический Театр на Малой Бронной то небывалые взлеты, когда в его зал устремлялась вся Москва, то месяцы и годы безвременья с полупустым залом и случайной публикой. Хотя основной костяк труппы оставался верен своему театру, этим старинным стенам.

На заре создания театра его возглавляли Илья Судаков, Сергей Майоров, уже на Малой Бронной во главе труппы стоял Андрей Гончаров, золотыми страницами в историю театра вошли спектакли, поставленные Анатолием Эфросом... И когда сюда со своей «командой» пришел С. Женовач, театр тоже вздохнул полной грудью. А потом все как-то не задолось.

Два года назад Андрей Житинкин поставил здесь как приглашенный режиссер пьесу американского автора Гленна Бламстейна «Нижинский, сумасшедший Божий клоун». Спектакль был отнюдь не однозначно принят критикой, однако же зритель валом повалил в театр, чего тут давно не наблюдалось. С неизменным успехом «Нижинский» прошел на гастролях в Петербурге, во время поездки в Краков. Кстати сказать, Житинкин ранее уже был знаком с труппой на Малой Бронной: 16 лет назад от проходил в этом театре стажировку, хорошо узнал актеров. Об этом вспоминал И. Коган, представляя Житинкина труппе и прессе. Не забыл упомянуть и то обстоятельство, что около дюжины постановок Житинкина одновременно идет на московских сценах. Поведаль Илья Аронович и о том, что после «Нижинского» Андрей стал почти что членом коллектива, бывает на всех внутритеатральных событиях, пересмотрел весь репертуар, так что идея предложить ему пост главного режиссера созрела внутри коллектива и окончательно была принята на Коллегии театра, где будущий главный изложил свою творческую программу.

- Я буквально потрясен сегодняшним аншлагом, - оглядывая переполненный зал, начал свою «трону» речь А. Житинкин, встреченный бурными аплодисментами. - Разные бывали сборы труппы. Сегодня это как-то неожиданно, всем спасибо. Конечно же, все ждут, с чего мы начнем работу. Сразу говорю: ставка сделана на высокую литературу. Подозреваю даже, что именно этим обусловлено мое приглашение в театр. Если нет художественной программы, очень легко в погоне за кассовым успехом скатиться в «бульвар», играть неприятельские комедии в угоду нетребовательной части зрителей, как делают некоторые театры. А это очень опасно. Когда-то здесь был замечательный театр Михозлса,

пока его не сгубили; здесь ставил свои спектакли Анатолий Эфрос, и тогда это был лучший психологический театр в стране. Я его помню, я видел все постановки Анатолия Васильевича, помню всех актеров тех лет. Конечно, многое с того времени изменилось, но это «намоленное» место (есть такое понятие - «намоленное»), и атмосфера его сохранилась. Я это почувствовал на «Нижинском». Актеры с удовольствием работали у меня в спектакле даже на небольших ролях, играя по две маленькие роли. Я им благодарен за это.

А планы у нас очень непростые и оригинальные, ставки на то, чего уже давно не было в Москве. Будем одновременно готовить два спектакля - «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда и «Лулу» австрийского философа и драматурга Франка Ведекинда. «Портрет Дориана Грея» - грандиознейший роман, роскошный материал, великопленные роли, детективный сюжет. Плюс безумно современная идея двойной морали, которая возвращается в нашей стране, и идея раздвоения личности. Так что даже тинейджеры, которые, конечно же, роман не читали, будут смотреть с интересом спектакль. Надеюсь, это станет попаданием в десятку. «Лулу» мы будем ставить впервые в России, хотя на Западе пьеса суперпопулярна. Достаточно сказать, что в «Шаубюне» она шла на протяжении лет двадцати. В ней 20 ролей - на всю труппу. Это авантюрная история знаменитой куртизанки, но не без философской мысли. Действие происходит в Париже, Лондоне, Вене. Своего рода срез общества - света и полусвета, проблемы морали и тест на состоятельность, на человечность каждого из нас.

Почему я предлагаю делать два спектакля сразу? Потому что, как бы к этому ни относиться, мы должны просчитывать формулу успеха: зритель голосует ногами. Сейчас никого не пугают дорогие цены на билеты. Но если зрителю скучно, он мгновенно уходит. В лучшем случае досидит до антракта со своим «мобильником». У зрителя нынче клиповое мышление, и если на пятнадцатой минуте он просчитывает режиссерское решение, - все, он ушел.

«Лулу» должна заинтересовать не только широкого зрителя, но и специалистов, театроведов. Кстати, есть опера «Лулу», и ее собирается ставить в Большом театре Юрий Петрович Любимов. Это даже хорошо, это как бы вторым экраном, нам никакой конкуренции.

А в декабре у нас должен состояться праздник. 70 лет Льву Константиновичу Дурову. Как он сам говорит, его лучшие годы прошли в этом театре, и он хотел бы отметить в нем свой юбилей. Поставим спектакль с главной ролью для него - «Метеор», забывтая блистательная комедия Фридриха Дюрренматта. Ее герой, лауреат Нобелевской премии, инсценирует свою смерть и как бы проигрывает собственные похороны - классический сюжет, тест на человечность. Герой проверяет свое окружение - семью, друзей, литературных агентов - и многое для себя выясняет. Странная проверка финала жизни, подведения итогов.

Все три предложенные мною пьесы - репертуар жесткий. Но в финале каждой из этих историй есть нравственный выход. Мы не можем отпустить зрителя в темноту Москвы, в тревогу взрывов, как в метро на «Белорусской», без ощущения

какого-то света и надежды. Нельзя забывать, что одно из самых неприятных завоеваний XX века наряду с такими великими открытиями, как космос, генетика, профессия режиссера - это целая философская школа обаяния зла. Французская школа Жана Жене, Камю и других. Это серьезная проблема. Зло очень часто бывает обаятельным. И вот, во всех названных мною пьесах существует это противостояние, потому что не бывает света без тени, зла - без добра. Во всей этой драматургии есть яркий, жесткий конфликт.

Еще один вопрос - русская классика. Театр не может существовать без классики, она необходима даже с позиций гастрольной политики за рубежом. Я предлагаю название, опять-таки как тест на состоятельность труппы - «Анну Каренину» Льва Толстого. Это мой самый любимый роман. Как-то я увидел комикс «Анна Каренина» и был в совершенном отпаде, как говорят тинейджеры. За 10 минут в этой книжке можно пролистать все: кто с кем, куда, как, в какой позе и потом она почему-то прыгнула на рельсы. Знаете, есть такая штука - вопрос: чем Анна Каренина вошла в историю моды? Ответ: туфлями на платформе. Вот это и есть комикс. Он мне по ночам кошмаром снится. Я так расстроился, что решил: надо что-то делать, надо ставить «Анну Каренину». Очень хотел бы поставить и Чехова, но не сейчас, когда на московских сценах по несколько «Вишневых садов», «Чаяк» и так далее.

Если же вдруг появится суперсовременная пьеса, будем раздвигать репертуарные границы и ставить. Только пока мне что-то ничего стоящего не попадается. Каждую неделю беру в Театре Моссовета на вахте пьесы, читаю - и это оказывается сплошным абсурдом: то почему-то зеленые черви выползают из-под красной подушки, то на свалке разворачиваются страсти почище, чем в «Идиоте» Достоевского. Какой-то бред сегодняшнего дня, в котором нет главного - вертикали, держащей связь времен, связь вечно остающихся проблем совести, выбора, без которых не может существовать человек, в каком бы веке он ни жил.

А еще меня не оставляет ностальгическое воспоминание о том, как мы, студентами, с мятым рубликом, зажатым в кулаке, стремились «протыриться» на спектакли Театра на Малой Бронной, знаменитые спектакли. Мое самое большое желание - чтобы над кассой театра висела табличка: «Все билеты проданы». Это высший кайф для режиссера. А внутреннее состояние зажатого кулачка с рублевкой поможет мне работать.

Житинкин закончил свою речь под гром аплодисментов зала. Мне очень хотелось задать ему каверзный вопрос: какая доля лукавства присутствовала в его четко выстроенной, отлично продуманной на перспективу программе? Неужели же он готов отказаться от своего излюбленного имиджа скандальности? Но не задала. Уж очень хотелось поверить в то, что все будет именно так, как он задумал: отличные спектакли, оригинальная афиша и табличка «Все билеты проданы» над кассой. Театр на Малой Бронной этого достоин, а Андрей Житинкин - режиссер первоклассный, если ставит нормальный спектакль без своих эпатажных прибамбасов. Дай ему Бог.

На снимке: А. Житинкин.